

Его можно было назвать до нелепости прелестным.

Мо Гуньгунь не совсем понимал, почему этот малыш видит его истинный облик, но тот то и дело украдкой поглядывал на него.

В глубине памяти его мама тоже была покрыта такой же черно-белой шерстью, только куда более мощной и крупной.

Тогда ему казалось, что мама — красивейшее создание на свете.

Теперь же...

Его мама по-прежнему оставалась прекрасной. Особенно ее грациозная круглая мордочка и густые, выразительные темные круги вокруг глаз.

Что же до него самого... хм, возможно, когда-нибудь он тоже станет точь-в-точь как мама!

Размышляя об этом, Мо Гуньгунь бросил вороватый взгляд на большого монстра и мысленно прикинул: этот хвост такой классный, вот только сам большой монстр немного страшненький.

Шерсть на лице почти вся вылезла, совсем лысый.

К счастью, большой монстр облысел не полностью, на голове серебристая шевелюра все еще росла густо — было бы идеально, окажись она зеленой.

Украдкой окинув взглядом поджарый, мускулистый торс большого монстра, Мо Гуньгунь мысленно посочувствовал ему: бедняга, совсем без шерсти. Опустив голову, он похлопал собственный мягкий, пушистый животик и решил, что на самом деле жалок как раз он сам: даже этот лысый большой монстр вон какой сильный, разве это не подчеркивает его собственную слабость?

Лу Сяоцинь скосил глаза и невольно улыбнулся.

Мелкий крутился перед зеркалом так и эдак, корчил рожицы, то стучал себя по голове, то гладил живот — целое представление.

Сам того не желая, генерал Лу испытал некоторое недоумение: о чем это думает кроха?

Привязав зеркальце лианой к спине, Мо Гуньгунь поднес к носу ароматное яблоко и шумно вдохнул: пахнет потрясающе!

Большой монстр просто замечательный.

Хрусь-хрусь, Мо Гуньгунь откусил маленький кусочек, уплетая за обе щеки и не сводя влажных черных глазок с Лу Сяоциня.

Не прошло и минуты, как пухлый панда съел большую часть яблока, и его пузико едва заметно округлилось.

Лу Сяоцинь заметил это и сильно удивился: яблоко было почти с него самого ростом, и куда только всё это поместилось?

При этом было очевидно, что крохе мало одного яблока — он тут же ухватился за золотой бамбуковый побег...

Лу Сяоцинь нахмурился: от такого количества еды организм может и не выдержать.

Он было хотел остановить малыша, но, заметив, что животик у того по-прежнему почти не раздулся, решил понаблюдать.

В итоге Лу Сяоцинь просидел за сборкой весь день, а Мо Гуньгунь послушно провел рядом с ним всё это время, при этом ни на секунду не прекращая жевать.

Рядом уже выросла целая гора из обрывков бамбуковой шелухи и яблочных огрызков.

Лу Сяоцинь, поначалу просто удивленный, постепенно погрузился в оцепенение, а под конец даже испытал легкий испуг.

Малыш ел просто неприлично много.

Генерал боялся, как бы кроха ненароком не лопнул от переедания.

Это зрелище приводило генерала Лу в неопиcуемый трепет. Мо Гуньгунь, не понимая, о чем тот думает, застыл с кусочком бамбука в зубах.

Взгляд большого монстра был ужасно странным.

Таким жгучим. С ним, с ним что-то не так?

Зажав бамбуковый побег в зубах, Мо Гуньгунь огляделся по сторонам и, наконец, робко задрал голову.

Большой монстр все так же пристально смотрел на него. Маленькая панда моргнула и вытащила бамбук изо рта.

Протянув оставшуюся часть побега вперед, Мо Гуньгунь вопросительно промычал:

— Мр-м?

Лу Сяоцинъ: «.....»

Этот просительный и обиженный взгляд крохи был донельзя забавным, и Лу Сяоцинъ не удержался, решив подразнить его.

Большой монстр забрал бамбук себе. Мо Гуньгунь проводил его тоскливым взглядом, с сожалением почмокал губами и вытащил из кучки новый.

Словно пытаясь заглушить душевную боль от утраты, Мо Гуньгунь принялся уплетать лакомство с удвоенным усердием.

Лу Сяоцинъ: «.....»

Безмолвно дернув уголком глаза, Лу Сяоцинъ легонько щелкнул его по лбу.

Мо Гуньгунь взметнул лапки к небу, завалился на спину и одурманенно уставился на большого монстра.

Ч-что он делает?

Посмотрев друг на друга пару секунд, большой монстр неторопливо поднялся на ноги и снова принялся мастерить свою странную штуковину, оставив маленькую панду в полном недоумении.

Мм???

Мо Гуньгунь почесал ухо и, приняв предельно ленивую позу лежа на боку, продолжил трапезу.

Когда панда-обжора дает волю аппетиту и ест всласть, это поистине страшное зрелище. По крайней мере, Мо Гуньгунь, уместившийся на ладони, мог слопать вдвое больше собственного объема. Вдруг он заметил в золотом гнездышке беловатый бамбуковый побег.

Мо Гуньгунь перевернулся, задрал кверху круглую попку и потешный хвостик и принялся изучать находку со всех сторон.

Осторожно понюхав странный, но густой и манящий аромат, Мо Гуньгунь вытащил белый побег и принялся повнимательнее.

Пахло приятно, но в то же время немного резковато.

Что это за запах?

Мо Гуньгунь не знал, но во рту сразу же выделилась слюна. Потискав сокровище пару секунд, душа истинного обжоры взяла верх.

Он сорвал жесткую кожуру и откусил маленький кусочек.

Сладко, но с легкой перчинкой.

Ч-что это за вкус?

Мо Гуньгунь зашевелил круглыми черными ушками и издал негромкий звук, обращаясь к Лу Сяоциню:

— Мм, ммм! Большой монстр, смотри!

Лу Сяоцинь опустил взгляд, заметил восторженные глаза малыша и мысленно запечатлел форму необычного побега. После чего потрепал его по голове и вернулся к работе.

Раз крохе нравится эта штука, в следующий раз он принесет еще.

Получив порцию ласки, Мо Гуньгунь с довольным видом облизал нос. Похоже, большой монстр тоже считал этот беловатый побег чем-то необычным.

Они пребывали в удивительно гармоничном согласии друг с другом, оставаясь при этом в полной уверенности, что «разные виды не способны друг друга понять».

За весь день Мо Гуньгунь умял целое золотое гнездышко и еще половину красного. Что же до той фиолетовой штуки у входа в его дупло...

Мо Гуньгунь решил оставить ее на ночной перекус.

Схмячив целый белый побег целиком, Мо Гуньгунь почувствовал, как его тело наполнилось силой — казалось, он вот-вот взлетит.

По правде говоря, передвигался он теперь исключительно крест-накрест, спотыкаясь на каждом шагу, пока наконец не завалился на землю и не принялся кататься, недовольно похрюкивая.

Зажав в лапках крошечный хвост, Мо Гуньгунь лежал на спине, демонстрируя пушистый животик, и покачивался из стороны в сторону.

Лу Сяоцинь замер.

Малыш пришел в крайнее возбуждение и издавал какие-то пищание, нежные звуки.

Лу Сяоцинь слегка нахмурился, отбросил меч-манипулятор, подошел к крохе и легонько ткнул его в нос.

Мокрый.

И без того влажные глазки блестели от слез, грозящих вот-вот пролиться, но при этом на мордочке красовалась дикая возбужденная ухмылка, обнажающая крошечные острые зубки. Ощутив теплое и знакомое амбре, Мо Гуньгунь оживился еще сильнее: он выбросил вперед все четыре лапки, мгновенно вцепился ими в палец генерала, прижался к нему щекой и затянул в рот.

Обычно и так полный энергии, сейчас он пребывал в состоянии легкого перевозбуждения. Только чистые, как вода, зрачки заволокло туманной дымкой.

Вид у него был странный, словно...

Он напился.

Помолчав пару секунд, Лу Сяоцинь долго смотрел на обертку от белого побега, затем поднял ее и принялся.

Генерал лишился дар речи.

Заметив, что шумный малыш затих, он опустил голову.

Опустив веки, Лу Сяоцинь уставился на задравшего попку и тихонько похрапывающего круглыша, не находя слов.

Еще секунду назад буянил, а теперь бац — и заснул.

Бережно подняв малыша, Лу Сяоцинъ постоял в нерешительности перед лесом, а затем уложил его на мягкий коврик внутри палатки. Кроха слегка продавил подстилку, утонув в ней всем своим пушистым телом — до чего же милое зрелище.

Полюбовавшись на него пару секунд, Лу Сяоцинъ легонько ткнул его в круглую попку и вышел из палатки.

Так во сне Мо Гуньгунъ совершил эпохальное достижение, проникнув в чужие апартаменты.

Материалов у Лу Сяоцинъ все еще было маловато, и в этот раз возникли серьезные препятствия, но результат все равно превзошел все ожидания.

Интересно, как там сейчас обстоят дела?

Бух, бам.

Лу Сяоцинъ замер, повернул голову и увидел, как его палатка пару раз качнулась и сложилась.

— Мр-р-ау!

Лу Сяоцинъ: «.....»

Полотно палатки то тут, то там шло буграми: то слева покажется крошечный след от лапки, то справа высунется круглая головка. Кувыркающийся вверх тормашками кроха отчаянно буянил под тентом.

Вжик.

В ткани проступило несколько прорезей, и в следующее мгновение наружу высунулась черная лапка с розовыми подушечками.

Лу Сяоцинъ ошеломленно уставился на нее.

Вскоре из небольшой дыры протиснулась большая часть головы панды.

Очевидно, эта панда находилась в состоянии глубокого алкогольного опьянения, причем характер у нее впотьмах оказался скверный.

Помолчав пару секунд, Лу Сяоцинъ протянул хвост.

Шлеп.

Маленькая лапка с силой оттолкнула хвост — да так резво, что Лу Сяоцинъ даже удивился: он не прикладывал силы, но малыш при всем желании не должен был суметь отбросить его. Мало того, в момент мимолетного контакта генерал отчетливо почувствовал, что кошачья лапка стала невероятно острой.

Лу Сяоцинъ прищурился и внимательно пригляделся к когтям — с виду таким же, как обычно, разве что чуть заостренным.

Он скосил взгляд на шкурку белого бамбука. Неужели всё дело в нем?..

13. У Гуньгуня с лысым животом случается истерика

К счастью, запасы энергии у крохи были ограничены, и после минуты буйства он замер с торчащей наполовину головой и заснул прямо на полу.

Снова установив палатку и уложив разбуянившегося малыша на коврик, Лу Сяоцинъ невольно усмехнулся, глядя на свежее испеченную дыру и вспоминая, как кроха, пьянствуя, сам себя расписал грязью.

Снова внимательно изучив белую шкурку, Лу Сяоцинъ задумался; его взгляд стал еще мрачнее, а черные зрачки — непроницаемыми.

Мо Гуньгунь проспал добрых двадцать с лишним часов и пришел в себя только на следующий день, когда на небе уже всходила луна. Ошеломленно приподнявшись, он поморгал, шмыгнул под коврик и, покусывая лапку, слегка задрожал.

Где это он?

Напрягшись в попытке вспомнить, Мо Гуньгунь почувствовал лишь резкую боль в голове, словно ее кто-то колотил камнем.

У-у...

Что с ним вообще произошло?

В голове стоял туман, воспоминания перед засыпанием собирались по кусочкам, и вдруг, вцепившись в краешек коврика, он заледенел.

Кажется, он что-то съел, потом полетел пушинкой, а затем...

Он уничтожил сокровище большого монстра.

Мо Гуньгунь робко высунул нос и с первого же взгляда заметил ту самую бросающуюся в глаза дыру в палатке.

Тело Мо Гуньгуня оцепенело от ужаса, конечности занемели от холода.

Он, он...

Потупившись, он простоял так добрую минуту, после чего молча втянул голову обратно, спрятавшись под подстилкой, точно черепаха в панцире.

Прикрыв глаза мохнатыми лапками, он чувствовал себя так, будто готов провалиться сквозь землю.

Сердце бешено колотилось, он понятия не имел, что делать. Просто кошмар.

Попереживав немного, Мо Гуньгунь принял волевое решение: поднес лапку к собственному хвосту и изо всех сил откусил клочок шерсти.

У большого монстра нет шерсти, пусть... пусть он вернет ему хоть капельку.

Но на хвосте шерсти было слишком мало, и взгляд Мо Гуньгуня упал на собственный живот.

Его шерстка здесь была невероятно мягкой. Уставившись на собственный красивый животик, Мо Гуньгунь со слезами на глазах протянул лапку.

Теперь... теперь он превратится в самую страшную панду на свете.

Шмыгнув носом, несчастный, но решительный панда изо всех сил царапнул себя.

— МР-Р-У-У!

Голосок был детским, но полным невыносимой боли.

Лу Сяоцинь, в этот момент варивший молоко, вздрогнул, и его зрачки сузились. Он сорвался с места, в мгновение ока вбежал в палатку и увидел усыпанную белой шерстью землю и панду, чей живот был залит кровью.

Мо Гуньгунь был в полном шоке.

Увидев багровую полосу на животе, он застыл, чувствуя себя так, словно вновь вернулся в тот миг из прошлой жизни, когда с него сдирали шкуру.

Всепоглощающий страх накрыл его с головой. Он уставился на собственный живот, едва не задыхаясь. Кошмар и боль смерти вновь подступили к горлу, старые, едва потускневшие тени заново заволокли сознание. И без того трусливая маленькая панда затряслась всем телом, губы мелко дрожали.

Он безумием во взгляде смотрел на окровавленный живот и красную жидкость на розовых подушечках лап, а крупные горошины слез капали кап-кап.

Неужели... неужели он снова умрет?

Только не это! На помощь, пусть кто-нибудь спасет его!

Оззябший целиком малыш провалился в бездонную пучину ужаса, не в силах вырваться из нее.

Помо...

В этот момент протянулась чья-то рука. Зрачки Мо Гуньгуня резко сузились, обнажая острые зубы:

— Мр-мр-мр-мр!

Они хотят распороть ему живот?! Только не это, нет, нет, нет!

Дико и свирепо отбиваясь в приступе паники, Мо Гуньгунь почувствовал, как что-то царапнул, но, заметив брызнувшую кровь, впал в еще большую истерику. Кровь! Как страшно! Как же это страшно!

Лу Сяоцинь помрачнел. Он боялся задеть мягкого кроху, но когти у того оказались на редкость острыми.

Делать было нечего, и Лу Сяоцинь легким движением ребра ладони вырубил бившегося в истерике малыша, после чего осторожно поднял его, обработал рану дезинфицирующим средством, состриг шерсть и нанес гель. Белое сияние на острых коготках постепенно угасло. Лу Сяоцинь прищурился и на пробу сжал кончик лапы — осталась лишь едва заметная царапина, совсем не похожая на те полосы, что красовались у него на руке.

Лу Сяоцинь опустил взгляд, погружившись в раздумья.

Завернув пухлика в одеяло, Лу Сяоцинъ сунул его в сумку — так было надежнее носить с собой.

Мо Гуньгунь понятия не имел, что превратился в брелок генерала Лу, и продолжал умиротворенно дрыхнуть.

В месте ранки под одеялом на крошечном теле появилось крошечное белое свечение, и всего через несколько секунд повреждение затянулось бесследно.

На нежной детской коже за столь короткое время не осталось и следа.

Но этот небольшой клочок по-прежнему был...

Совершенно лысым.

Проснувшись во второй раз, Мо Гуньгунь почувствовал манящий аромат еды.

Не успел он сообразить, что к чему, как в рот ему что-то сунули. Инстинктивно сделав сосательное движение, он ощутил, как вкусовые рецепторы заполняет густой и сладкий вкус. Как вкусно! Забыв обо всем на свете, с урчащим от голода животом, Мо Гуньгунь вцепился в эту маленькую бутылочку с соской и принялся усердно посасывать, двигая ротиком. Вид у него при этом был донельзя блаженный.

Что это за штука?

Он пил и одновременно размышлял о всякой всячине. И тут же нос к носу столкнулся с черными глазами большого монстра.

Тело Мо Гуньгуна окоченело, соска медленно выскользнула из рта. Он замер, глядя на большого монстра снизу вверх, и поспешно свернулся клубочком, прячась за бутылочкой — наружу торчали только мохнатые лапки, обнимавшие стекло.

В глазах Лу Сяоцинъ мелькнуло что-то сродни вздоху. Он протянул руку и погладил его:

— Не бойся, всё в порядке.

Изумленный до глубины души, Мо Гуньгунь зашевелил ушами.

Лу Сяоцинъ качнул его голову, и раздался полный бархатных ноток голос:

— Пей.

Мо Гуньгунь резко вскинул голову, встречаясь взглядом с большим монстром.

Он приоткрыл рот:

— Мр!

Это был всё тот же детский писк. Мо Гуньгунь замер, в панике почесав ухо:

— Мр, мр-мр!

Брови Лу Сяоциня едва заметно сошлись на переносице: состояние крохи было явно ненормальным — мало того что занялся самоповреждением, так неужели у него еще и какие-то побочные эффекты?

Мо Гуньгунь изо всех сил пытался что-то выразить, но в конце концов понял, что, сколько бы он ни говорил, большой монстр его не понимает.

Однако...

Он-то голос большого монстра отлично понимал.

Большой монстр сказал ему не бояться.

Он понятия не имел, почему в одночасье научился понимать слова большого монстра, но Мо Гуньгунь счел это потрясающей новостью. Он потрясенно попытался сообщить об этом большому монстру, но с удручением обнаружил, что понимает его, а вот сам большой монстр — нет.

Круглая мордочка Мо Гуньгуня надулась.

Он же умная панда, почему у него такой глупый друг? И все же, раз большой монстр спас его в смертельный час, Мо Гуньгунь был ему безумно благодарен. Радостно вытянув лапки, он обнял руку Лу Сяоциня и потерся о нее щекой.

Лу Сяоцинь решил, что малыш просто наконец пришел в себя, и не стал возражать.

Чувствуя вину за вчерашнее и помня, что большой монстр его спас, Мо Гуньгунь теперь вел себя тихо и послушно сидел в сумочке на груди генерала.

Лишь бережно обхватив лапками бутылочку, он осторожно посасывал ее.

Лу Сяоцинъ погладил кроху по голове и устремил глубокий взгляд в небеса. Звезды под покровом ночи сияли невероятно густо и ярко.

Такой красоты в Звездных Башнях не увидишь.

Он покрутил в руках отремонтированный манипулятор. Обстановка пока оставалась неясной, так что можно было дать всякой нечисти время порезвиться.

Те, кто в прошлом натворил дел...

Пусть ждут его возвращения.

Засыпав щепотку крошек в пазы меча, Лу Сяоцинъ все сильнее убеждался, что этот малыш — его счастливая звезда.

Раньше он считал скелет просто превосходным материалом, но проведенные тесты показали, что в нем содержалось даже немного $hy-180$ — вещества, используемого для создания самых прочных и мощных орудий убийства. Даже в бескрайнем космосе не сыскать столь элитного и редкого материала.

Можно сказать, что одна эта горстка стоила бы баснословных денег.

Возможно, некоторые государства отдали бы за нее целый боевой крейсер.

Теперь же у Лу Сяоцинъ было два скелета, так что его смело можно было назвать богатейшим существом во вселенной.

Напившись молока, Мо Гуньгунь почувствовал себя гораздо лучше.

Убедившись, что кроха вернулся в норму, Лу Сяоцинъ наконец успокоился и приподнял ладонью маленькое тельце:

— Не ерзай.

Мо Гуньгунь зашевелил ушами: мр?

Он услышал, но ничего не понял. Впрочем, раз большой монстр велел ему не шевелиться, он просто притворится деревянной пандой. И тут он увидел, как большой монстр отодвинул его лапки, достал какой-то спрей, направил на его живот и...

Лу Сяоцинъ остолбенел.

Живот крохи полностью зажил: гладкая, розовая, нежная кожа была совершенно без шерсти, но и без единого следа раны.

Лу Сяоцинь молча смотрел на это, а затем бросил глубокий взгляд на ничего не подозревающего малыша.

Похоже, он недооценил кроху.

В Звездном союзе существовало множество рас с потрясающей регенерацией, и он не мог поручиться, что у этого малыша регенерация слабая, как у обычных легендарных панд.

Возможно, дело в мутации.

Или в том, что он принадлежит к какому-то особому межзвездному виду.

Совершенно не подозревая, что его статус в глазах Лу Сяоциня только что взлетел до небес, Мо Гуньгунь сейчас больше всего на свете хотел провалиться сквозь землю.

Его прекрасная шерстка!

Живот-то облысел, шерсти больше нет, вау-вау-вау!

Опустив голову, Мо Гуньгунь влажным носом водил туда-сюда по голому животу, отказываясь верить в происходящее.

Он ведь собирался вырвать всего клочок, но, похоже, в процессе случайно распорол себе брюхо.

Как оно зажило, он понятия не имел, но шерсть-то исчезла!

Сгорбившись круглым пушистым комочком и разглядывая свой лысый пяточок на животе, Мо Гуньгунь выглядел одновременно комично и жалко.

Мо Гуньгунь поднял голову, в глазах уже стояли слезы.

Мо Гуньгунь: «QAQ». Он превратился в уродливого монстра, он больше никогда не сможет стать такой же очаровательной пандой, как мама.

Лу Сяоцинь стер с лица улыбку и произнес с абсолютно серьезным видом:

— Скоро отрастет.

Правда? Мо Слезы-в-глазах Гуньгунь шмыгнул носом.

Лу Сяоцинь погладил его:

— Обязательно скоро отрастет.

Доверчивый Мо Гуньгунь тут же поверил большому монстру, однако всё равно чувствовал себя уродом.

Лу Сяоцинь утешил его:

— Я вот тоже без шерсти.

Мо Гуньгунь окинул взглядом его четко очерченные черты лица, и на душе у него почему-то полегчало. И правда, большой монстр выглядит вот так, но ведь не занимается самобичеванием — значит, и ему не стоит падать духом.

14. Превратился в человека без шерсти, панда рыдает в истерике

На фоне большого монстра настроение у Мо Гуньгуна все равно оставалось паршивым. Вялый и понурый, он лежал на коврикe, обнимая бамбуковый побег и пряча свой уродливый голый живот под себя, чтобы никто не видел.

Живот громко заурчал.

Панда-обжора проголодался. Посмотрев на побег в лапках, он всем своим комочком погрузился в тяжкие раздумья.

Лицо его сморщилось, выражая вселенскую скорбь.

<http://bllate.org/book/21220/2147340>